

П. Г. Чистяков

ПЕТРОВСКИЙ УКАЗ О СНЯТИИ В ЦЕРКВЯХ ПРИВЕСОВ К ИКОНАМ И ЕГО ДАЛЬНЕЙШАЯ СУДЬБА

В 1722 г., на следующий год после создания Синода, Петр I предпринял так называемую «реформу благочестия», выразившуюся в запрете целого ряда вполне типичных религиозных практик той эпохи: все они были сочтены суевериями и подлежали искоренению. Народное благочестие представлялось императору-преобразователю во многом неправильным и, как ему казалось, требовало серьезной корректировки. В рамках «реформы благочестия» был наложен запрет на крестные ходы, было запрещено объявлять чудотворными иконы, находящиеся в частных домах (их должны были изымать и отправлять на хранение в ризницу кафедрального собора или монастыря), также было велено изъять из церквей деревянные скульптуры и закрыть все часовни, чтобы богослужения совершались только в церквях. Одной из мер «реформы благочестия» стал запрет привесов – votивных приношений, которые верующие вешали на чудотворные иконы в благодарность за исцеление.

Указ о снятии в церквях привесов к иконам был издан 19 января 1722 г. Этот указ повелевал «отныне впредь во всех Российского государства церквях привесов к образам, то есть златых и серебряных монет, и копеек, и всякой кузни, и прочего приносимого, не привешивать»¹. Таким образом, было запрещено оставлять у икон привесы, а уже имеющиеся следовало снимать, описывать и употреблять на церковные нужды: покупку муки для просфор, богослужебного вина и литургических сосудов. Такая мера не могла не вызвать недовольства клириков и мирян: запрет распространенной практики трактовался как святотатство – ограбление святыни. Особенно этим указом были задеты чувства клириков: духовенству предстояло либо самому снимать с икон привесы, либо смотреть, как это делается. Так, ключарь вологодского собора священник Яков Никитин, осуждая снятие привесов, прямо сравнивал это действие с грабежом: «...кто де велит оные привесы обирать, тово б у жены серьги вынял из ушей, каково б де ему было...»². Критикуя действия Петра I, Никитин подчеркивал, что царь – «иноземец» и все делает «иноземчески». Скорее всего, большинству верующих петровские преобразования представлялись иностранными нападками на исконное русское благочестие.

Известно, что «реформа благочестия» так и не была доведена до конца: многие нормы, заданные этой реформой, впоследствии были смягчены или даже отменены. Так, уже в конце 1720-х гг., через несколько лет после смерти Петра I, были вновь разрешены крестные ходы с иконами, а в некоторые церкви по прошениям прихожан были возвращены конфискованные за несколько лет до того резные иконы³. Со временем стали

получать официальное признание и чудотворные иконы, объявленные таковыми сравнительно недавно. Снятие привесов с икон, в 1722 г. проводившееся довольно активно, вскоре тоже было приостановлено. В дальнейшем практика оставлять у чудотворных икон привесы воспринималась как нечто вполне нормативное – существуют многочисленные подтверждения этому.

В архивных документах XVIII в. неоднократно встречаются свидетельства о привесах на чудотворных иконах. Среди документов архивного фонда Коломенской духовной консистории, хранящегося в Центральном государственном архиве Москвы⁴, имеется архивное дело, сообщающее о серьгах, висевших на Донской иконе Богоматери в Успенском соборе Коломны⁵.

В августе 1750 г. пономарь Успенского собора Коломны Семен Никифоров сообщил в Коломенскую духовную консисторию, что Алексей Тимофеев – сын дьячка церкви села Волович – похитил серьгу, висевшую на Донской иконе Богоматери. По сообщению Семена Никифорова, эти серебряные серьги изначально принадлежали жене сторожа архиерейского дома, а она по обету отдала их в собор для того, чтобы повесить их на Донскую икону Богоматери⁶.

Расследование, проведенное в консистории, показало, что Алексей Тимофеев был сыном дьячка церкви села Волович Тимофея Терентьева. В 1750 г. ему было 14 лет. Его отец умер в то время, когда Алексей был еще ребенком, его воспитанием занимался дядя – пономарь той же церкви Дорофей Терентьев. В великий пост 1750 г. Алексей Тимофеев был взят в архиерейский дом для обучения церковному пению. Там он познакомился со своим сверстником – Исаком Григорьевым, сыном диакона коломенской Богоявленской церкви Григория Матвеева, умершего в декабре 1749 г. Исаак, как и Алексей, учился в архиерейском доме церковному пению. Общаясь с Исаком, Алексей упомянул, что он увидел в соборе на Донской иконе Богоматери серьги и подумал, что их можно похитить и продать, а на вырученные деньги купить яблоки. Эта идея Исаку понравилась, и впоследствии он многократно напоминал о ней своему приятелю. Однажды Алексей пришел в собор и, увидев, что внутри никого нет, снял с иконы одну серьгу. Однако продать ее не удалось: невестка пономаря Никифора Семенова увидела в руках у Алексея серьгу и сказала об этом своему свекру. Пономарь сразу же узнал ту серьгу и понял, что Алексей снял ее с иконы. Осознав, что была совершена кража, Никифор Семенов задержал Алексея Тимофеева и привел его в архиерейский дом⁷.

Дело о краже привеса с Донской иконы Богоматери рассматривалось на заседании Коломенской духовной консистории. Алексею Тимофееву и Исаку Григорьеву грозило очень серьезное наказание: по Соборному уложению похищение каких-либо предметов из церкви каралось смертной казнью. Однако наказание было существенно смягчено на основании толкования к воинским артикулам: «Наказание воровства обыкновенно умалывается или вес[ь]ма отставляется, ежели кто из крайней голодной нужды (которую он доказать имеет) съестное или питейное или иное что невеликой цены украдет или кто в лишении ума воровство учинит или вор будет младенец, которых дабы заранее от всего отучить, могут от родителей своих лозами наказаны быть»⁸. В данном случае имела место именно такая ситуация: кража была совершена лицами, не достигшими совершеннолетия, испытывавшими чувство голода, а стоимость украденного была невелика. Поэтому Алексей Тимофеев и Исаак Григорьев отделались телесными наказаниями в Коломенской духовной консистории⁹.

История с кражей серьги, висевшей на Донской иконе Богоматери из Коломенского собора, достаточно ярко свидетельствует о том, что петровский указ от 19 января 1722 г. о снятии привесов к иконам к середине XVIII в. не соблюдался. Серебряные серьги, пожертвованные женой сторожа архиерейского дома в коломенский Успенский собор, воспринимались духовенством как неотъемлемая часть интерьера собора, в том факте, что на иконе висят серьги, не усматривалось ничего неправильного, а их похищение вызвало негативную реакцию соборного пономаря, обнаружившего эту кражу.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДОНОШЕНИЕ ПОНОМАРЯ КОЛОМЕНСКОГО УСПЕНСКОГО
СОБОРА СЕМЕНА НИКИФОРОВА В КОЛОМЕНСКУЮ ДУХОВНУЮ
КОНСИСТОРИЮ

В Коломенскую духовную консисторию

доношение

дому его преос[вя]щенства бывшего сторожа савостьяновская жена Корытнникова по обещанию своему дала в соборную ц[е]рковь Успения Прес[вя]тыя Б[огороди]цы пономарю Василью Иванову сер[ь]ги серебряныя для положения на образ Данския¹⁰ Прес[вя]тыя Б[огороди]цы которыя быть имелись а н[ы]не незнаемо каковым подобием с того образа одну сер[ь]гу признав в именованный Коломенского уезда села Волович у дьячка с[ы]на Алексея Тимофеева которой находится в домовой его ж преос[вя]щенства певческой науке ходя по улицы чинив продажу и я именованны взяв оногo Алексея с тою покраденною сер[ь]гою предьявляю в вышепоказанную духовную консисторию

о сем доносит коломенския соборныя ц[е]ркви пономарь Семен Никифоров 1750 году августа « » дня к сему доношению соборныя ц[е]ркви пономарь Семен Никифоров руку приложил

Резолюция: к допросу записать в книгу ц[е]рковника приняв против сего доношения допросить и доложить.

ЦГА Москвы. Ф. 204. Оп. 1. Д. 16. Л. 1. Рукописный подлинник

Выписка из журнала Коломенской духовной консистории

По указу Ея Императорского Величества в Коломенской духовной консистории слушав следующагося дела по доношению коломенской соборной ц[е]ркви пономаря Семена Никифорова при котором об[ъ]явил он Коломенского уезда села Волович дьячкова с[ы]на Алексея Тимофеева с украденною им и[з] этой соборной ц[е]ркви о[т] образа Прес[вя]тыя Б[огороди]цы Донския прикладною сребреною сер[ь]гою; а допросом он Алексей и показал что он ту сер[ь]гу из соборной ц[е]ркви с общего согласия града Коломны ц[е]ркви Б[о]гоявления Г[оспо]дня умершего диакона Григорья Матфеева с с[ы]ном Исаком с образа Прес[вя]тыя Б[огороди]цы Донския снял, и намерены были

обще ту сер[ь]гу продать скупщицам на яблоки, точно он Алексей помянутым пономарем Семеном с тою сер[ь]гою пойман и приведен в дом архиерейской, а реченной Исак Григорьев в допросе ж сказал что он к краже из соборной ц[е]ркви той сер[ь]ги показанного Алексея неоднократно понуждал, и говорил чтоб те сер[ь]ги продать им скупщицам на яблоки; а понеже по уложению 21 главы 9му пункту, татя на которого доведут одну тат[ь]бу велено пытатъ и в иных тат[ь]бах, да той же главы по 14му пункту ц[е]рковных татей казнить смертию, а животы их отдавать в ц[е]рковныя тат[ь]бы, и в силе оноу уложению подлежало оных ц[е]рковников Алексея и Исака по той причине и в других воровствах пытатъ и того для в сведской суд отослать, точно по справке в д[у]ховной кансистерии со имянными ведомост[я]ми оныя Алексей и Исак находятца н[ы]не от роду мен[ь]ше пятнатцети лет, а по закону градскому 49 главы 27 грани по 24му правилу ниже двадесяти лет, да судебных процессов 3 главы по 14 пункту, которыя пятнатцети лет не имеют, в свидетел[ь]ство принимать не велено, да воинских артикулов по 189му [артикулу] таких воров, что краденое более дватцети рублей не превышает велено в первыя шестью сквозь полк прогнать шпирутен да тех же воинских артикулов 195 в толковании напечатано: наказание воровства обыкновенно умаляется или вес[ь]ма отставляется, ежели кто из крайней голодной нужды (которую он доказать имеет) съестное или питейное или иное что невеликой цены украдет или кто в лишении ума воровство учинит или вор будет младенец, которых дабы заранее от всего отучить, могут от родителей своих лозами наказаны быть; а об[ь]явленныя ц[е]рковники Алексей Тимофеев и Исак Григорьев (как вышеоб[ь]явлено) находятся в младолетстве а вышепомянутое краденое ими не токмо дватцети но и двух рублей не превосходит; того ради определили: тех ц[е]рковников Алексея и Исака за помянутое их учиненное (хотя и в малой цене состоящее) воровство, в разныя дни наказатъ трижды жестоко, дабы они пришед в возраст могли то учиненное им наказание памятовать, и от того воровства впредь себя удержатъ, а в светской суд к розыску их Алексея и Исака за показанным их младолетством, и что кроме того никаких других подозрений за ними по справкам не явилось, отсылать не следует; а повелено ль будет по сему определению учинить, о том доложить с[в]ятейшего правител[ь]ствующего Синода члену, преос[в]ященному Гавриилу епископу Коломенскому и Кошпрскому¹¹.

Архиерейский поп Феодул

Воскресенский поп Феодор

Секретарь Максим Шонуров

ЦГА Москвы. Ф. 204. Оп. 1. Д. 16. Л. 6–7. Рукописный подлинник

¹ ПСЗ. Т. 2 : 1722. СПб., 1872. № 364. С. 18–19 (19 января 1722).

² *Лавров А. С.* Колдовство и религия в России, 1700–1740 гг. М., 2000. С. 419.

³ Там же. С. 440–444.

⁴ Архив Коломенской духовной консистории разделен на две части, примерно равные по объему. Половина этого архива хранится в Центральном государственном архиве города Москвы (фонд 204), а другая

половина – в Государственном архиве Тульской области (фонд 1770).

⁵ ЦГА Москвы. Ф. 204. Оп. 1. Д. 16. Дело Успенской соборной церкви о продаже положенных на образ серег (1750).

⁶ ЦГА Москвы. Ф. 204. Оп. 1. Д. 16. Л. 1.

⁷ Там же. Л. 2 – 2 об.

⁸ Там же. Л. 6 об.

⁹ Там же. Л. 6–7.

¹⁰ Так в тексте.

¹¹ Так в тексте.